

*Original research paper**Received: 12.11.2019
Accepted: 18.05.2020*

СОСЕДИ ПОЛЯКОВ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА ДОСТОЕВСКОГО¹

Мария Михновец

ORCID: 0000-0002-7818-2321

*Музей Достоевского
Санкт-Петербург, Россия
mikhnovets@dostoevsky.spb.ru*

Ключевые слова: *Достоевский, геополитика, картина мира, Польша, Дневник писателя*

К вопросу о специфике изображения поляков и Польши в творчестве Ф.М. Достоевского исследователи обращались неоднократно. Художественные и публицистические произведения рассматривались в политическом, этическом, религиозном [Stempowski 1981; Углик 2011], историко-философском аспектах [Горбачевский, Гончарова 2005]. Исследователями рассматривался характер влияния личных контактов писателя с поляками [Wilkońska-Karpietz 2009] на формирование в его творчестве образа поляков как нации. Образы Польши и поляков осмыслились в рамках имманологического подхода с точки зрения формирования стереотипов и метастереотипов [Мальцев 2017; Хорев 2005]. Большое количество исследований посвящено т.н. «польскому вопросу» в контексте истории с публикацией статьи *Роковой вопрос* в журнале братьев Достоевских «Время», которая повлекла за собой его закрытие. Анализу достоевских образов поляков подвергались образы поляков в *Записках из мёртвого дома*, *Игроке*, *Братьях Карамазовых*.

Несмотря на плодотворность и значимость проделанной работы польская тема в творчестве Достоевского нуждается в дальнейшем постижении. Вопрос о месте Польши на геополитической карте в картине мира Достоевского еще не поднимался специально. Задача настоящего исследования – определить, каково место Польши на геополитической карте в картине мира Достоевского,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90020\19.

какова специфика номинации писателем и самой польской земли, и населяющего её народа.

Определимся с особенностью своего подхода к материалу. С нашей точки зрения, на материале художественного и публицистического наследия писателя необходимо выделить ключевые для него характеристики определенного региона как с этнической, так и с конфессиональной точек зрения. Представляется важным выявить особенности соотношений между различными регионами, а затем и между входящими в них этносами: определить, что ставится Достоевским в один ряд, что друг другу противопоставлено. В таком случае изучение системы связей между этносами, либо поставленными в один ряд с поляками, либо противопоставленными им, позволит, как нам представляется, точнее определить геополитические ориентиры Достоевского как в отношении Польши, и так Российской империи.

В глоссарии Достоевского Польша представлена лексемами «Польша», «поляк», «полячка», «польский», «полячишко», «Речь Посполита», «Старая Польша», единичны случаи употребления лексем «ксѣндз», «пан» и «паньство», «шляхта». Из топонимов, относившихся во время Достоевского к Царству Польскому, в глоссарии писателя присутствует только топоним «Варшава».

Для Достоевского на протяжении всей его жизни Польша – один из регионов Российской империи. Причем писатель гораздо чаще в своем творчестве говорит о народе, населяющем этот регион, нежели называет саму Польшу. Этнос для него будто бы оказывается более значимым, чем наличие региона в том или ином виде на политической карте. Польша как регион упоминается в следующих случаях: в Польшу уезжает князь Валковский в *Униженных и оскорбленных* [Достоевский 1972а: 226], такой же геотопоним регулярно использует Достоевский в *Дневнике писателя* и новостных заметках журнала «Гражданин». При этом неоднократно Достоевский употребляет и номинацию «польский край»: за Польшу и «польский край» пьет Митя Карамазов с поляками [Достоевский 1975: 382], о своей родине как о «польском крае» говорит поляк Грушеньке («пан видзел в польском краю хлопок, а не шляхетных паней» [Достоевский 1975: 380]). При этом Достоевский ни разу не употребляет официальное название «Царство Польское». Номинация «Привислинский край» встречается у Достоевского лишь однажды, однако не собственно в его речи, а в цитируемом им отрывке из газеты «Новое время» (1877, № 587). «Речь Посполита» упоминается писателем однажды в набросках к *Братьям Карамазовым*, где автор подготавливает фразы для героев-поляков на польском языке (« – Цихо вшендзе, бедзе. Цо то. Дьябли. / – Вшисци, нехай, пане. Посполита жечь» [Достоевский 1976а: 279]). В итоге получается, что подобное словоупотребление создает эффект, согласно которому поляки присутствуют на геополитической карте в картине мира Достоевского на положении этноса, не имеющего своей отчизны.

В этой связи любопытна константная характеристика образов поляков в художественном творчестве писателя. Как правило, появление героев-поляков не мотивировано логикой разворачивающегося действия, им отведена эпи-

зодическая роль, их поведение характерно: они «увязываются» за главными персонажами, сопровождают их, «юлят», «гнездятся» по соседству, при этом не имеют собственного места. Поляки случайно оказываются на поминках Мармеладова («А эти полячишки... [...] никто, никто их никогда здесь не видывал, и я никогда не видала; ну зачем они пришли, я вас спрошу?») [Достоевский 1973б: 294]. В разношерстную компанию, ввалившуюся на именины к Настасье Филипповне с Рогожиным, писателем включен «один увивавшийся полячок» [Достоевский 1973в: 93]. В черновых набросках к *Идиоту* за Мышкиным также следует «полячишка» («Когда Идиот с Миньоной ходят по городу ночью, к ним привязывается отставной солдат-бродяга, полячишка, и не хочет отвязаться») [Достоевский 1974а: 143]. В романе *Бесы* в салоне Юлии Михайловны оказывается «заезжий, юливший поляк» [Достоевский 1974б: 318]. Поляки, изображенные вне своей отчизны и не имеющие собственного места в столице Российской империи, а также в ее провинциях, начинают ассоциироваться со скитальцами, случайно прибывающими к другим, «укорененным» героям. Они – словно кочевники.

В этом контексте сцена кутежа в романе *Братья Карамазовы* может быть воспринята читателем под неожиданным углом: в Мокром вместе с поляками оказываются евреи и цыгане. С одной стороны, присутствие музыкантов, принадлежащим к этим этническим группам, характерно для широкого гуляния в изображаемой историко-культурной ситуации. С другой стороны, и цыгане, и евреи появляются как маргинальные этносы, не имеющие собственных территорий («Цыган теперь вовсе не слышно, Дмитрий Федорович, согнало всё начальство, а вот жида здесь есть, на цимбалах играют и на скрипках») [Достоевский 1975: 374]. Безусловно, подобное соотнесение цыган, евреев и поляков основано на сближении периферийных для Достоевского характеристик этносов, но, тем не менее, и оно заслуживает упоминания в связи с постепенно проявляющейся в произведениях Достоевского темой отсутствия географических границ между самими народами, населяющими империю. Складывается парадокс: это, с одной стороны, чужие народы на русской территории, а, с другой, они представлены вне тесной связи с отчизной, а, значит, и как не имеющие ее.

Вопросы о границах так называемого «польского края» и о самом месте Польши в составе Российской империи для Достоевского неразрывно связаны, при этом над этническим аспектом в их рассмотрении превалирует геополитический. Писатель проблематизирует вопрос о границах края неоднократно и в своем художественном, и публицистическом творчестве. Так в подготовительных материалах к вышеупомянутому фрагменту из *Братьев Карамазовых* читаем: «Я космополит, пью первый. / Поляк не пьет: „За Россию в границах 72-го года”» [Достоевский 1976а: 288]. Ещё один вариант речи Мити: «...Поляки, я космополит. Пью – 72 года» [Достоевский 1976а: 386]. Речь идет о границах Российской империи до раздела Речи Посполитой в 1772 году, то есть одновременно и о границе территорий, простиравшихся на востоке до Днепра,

и о самом факте утраты регионом самостоятельности. К этой же проблеме обращаются участники кружка Варвары Петровны в *Бесах*:

Говорили об уничтожении цензуры и буквы ь, [...] о полезности раздробления России по народностям с вольною федеративною связью, [...] о восстановлении Польши по Днепру, о крестьянской реформе и прокламациях [Достоевский 1974б: 22].

В первой половине 1860-х гг. в Европе была популярна геополитическая теория «естественных границ», согласно которой границы государств естественным образом складываются в ходе их развития по линии природных преград: рек, озер, горных хребтов и т.д. В контексте этой теории в записной книжке 1864–1865 года у Достоевского появляется заметка: «Все наши искусственные границы (Финляндия, Польша) суть естественные и приобретены бессознательно» [Достоевский 1980а: 203]. Получается, что Достоевский, с одной стороны, упоминает о существовавших границах Польши до 1772 года, как раз проходивших до Днепра и являвшихся, таким образом, «естественными». С другой стороны, для него актуален факт военно-политического присоединения польских территорий к Российской империи, то есть появление «границ искусственных». Тем не менее, у писателя по-прежнему остаются основания полагать, что подобное положение вещей является оправданным и закономерным.

Главный аргумент Достоевского в необходимости геополитического союза России и Польши – их общее славянское происхождение. Размышляя над фактом присоединения Польши к России, Достоевский пишет в рабочих подготовительных тетрадях 1876 года к *Дневнику писателя*:

Славянство и роль России *alma mater* [...] Они указывают на Польшу? Но Россия, защищаясь, взяла Польшу. Если б не взяла она Польшу, то Польша б взяла родовое наше. Мало того, взяв, Россия тотчас раскаялась. Александр Благословенный, и сама возбудила стремления: по Днепр и т.д. Как бы не так. / Польша есть пример политической неспособности жить между славянскими племенами. / Да зачем они нам? Единение высшее духовное [Достоевский 1982: 120].

Высказывание является важным с нескольких точек зрения. По Достоевскому получается, что, во-первых, Россия «взяла» Польшу в ответ на ее претензии, во-вторых, «раскаялась» в этом, в-третьих, выполняет роль *alma mater*. Писатель отмечает, что между славянами нет согласия, и настаивает на единении не на государственном, а на духовном уровне. Последнее чрезвычайно важно в контексте рассуждений Достоевского о всечеловеческом единстве.

Далее встает вопрос о славянстве и об отношении Европы к внешней политике России в 1860–1870-е годы. В записной книжке 1863–1864 года читаем: «Польша с Россиюю Польша связана нераздельно» [Достоевский 1980а: 176]. Через несколько лет Достоевский обращает внимание на разность в реакции Европы на расширение границ России. В *Дневнике писателя* за апрель 1876 года он пишет:

...разве какие-нибудь частные, так сказать, домашние победы нам они [Европа и европейцы – М.М.] могут «простить», – завоевание Кавказа, например. Первая же война с Турцией, при покойном государе, и вскоре после этого последовавшая тогда разделка наша с Польшей чуть было не произвели взрыва во всей Европе. Они теперь «простили» нам, по-видимому, наши недавние приобретения в Средней Азии... [Достоевский 1981а: 212].

Обратим внимание, что в процитированном примере «соседями по инаковости» Польши оказывается Кавказ и Средняя Азия, однако эти восточные регионы неевропейской нехристианской культуры являются на геополитической карте в картине мира Достоевского более «своими» в составе Российской Империи, чем Польша.

Достоевский, безусловно, осознает уникальное место Польши в составе Российской империи. Он упоминает особые законы, существующие на территории Царства Польского (глава «Речь господина Спасовича» в *Дневнике писателя* за 1876 год [Достоевский 1981а: 59]). При этом другие нации Российской империи, которые ставятся Достоевским в один ряд с поляками, так или иначе имеют в совокупности своих характеристик значение маргинальности, периферийности, а, следовательно, этими характеристиками в сознании писателя наделены и сами поляки. Так, например, при всей этнической неоднородности каторжан, как реально отбывавших наказание в Сибири, так и описанных в *Записках из мёртвого дома*, поляки упоминаются в связи с черкесами, евреями («Кроме черкесов, в казармах наших была ещё целая кучка поляков», «Из всех каторжных нашей казармы они любили только одного жида, и может быть единственно потому, что он их забавлял» [Достоевский 1972б: 54, 55]). Эти народы к коренным нациям Российской империи не относятся, являются или недавно присоединенными, или же существующими на её территории на особом положении. Парадоксальным образом ни различия вероисповедания (мусульмане, иудеи, католики), ни фактор причастности к европейской культуре и к славянской нации, о которой упоминалось выше, решающей роли для Достоевского не играют.

Одними из наиболее постоянных «соседей» поляков в сознании Достоевского являются евреи. Как было уже показано выше, они оказываются в одном ряду при перечислении каторжных народов, кутящих людей в Мокром. В *Бесах* вместе с ссыльным ксендзом Слоныцевским «случайным гостем» кружка оказывается и «жидок Лямшин» [Достоевский 1974б: 30], в подготовительных материалах к *Братьям Карамазовым* в разговоре Мити и следователя о подкупе Бема появляется реплика: «Эти поляки на это мастера: он бы набрал своих адвокатов, полячишек да жидишек, и всю бы Чермашню у его оттягал...» [Достоевский 1976а: 297].

Основания для такого сближения Достоевским поляков и евреев представляют собой сложный социо-культурный, историко-политический и конфессиональный комплекс и заслуживают отдельного исследования. В публицистике и 1860-х, и 1870-х гг. польский вопрос широко обсуждался параллельно с еврейским, и Достоевский, безусловно, был знаком с публикациями на эту тему.

Так, например, статью М. Кояловича *Новые явления в истории русско-польского вопроса*, опубликованную в газете «Новое время», Достоевский отмечает особо в своей записной книжке: «“Новое время”. Поляки и жида. (См. № 1718 голос поляка 1725 Кояловича и 1727 о жидях (декабрь))». Для Достоевского оказывается принципиальным вопрос о внутренней сплоченности, кооперации как польского, так и еврейского народа: вспомним, как «особняком» держатся поляки на каторге в *Записках из Мёртвого дома*, в эпилоге *Преступления и наказания*. Эта же особенность этноса отмечается однажды и в записках за 1880 год: «Над Россией корпорации. Немцы, поляки, жида – корпорация и себе помогают. В одной Руси нет корпорации, она одна разделена» [Достоевский 1984: 49]. В данном случае Достоевский дает этическую характеристику нации, вопрос о ее географической закреплённости не заостряется.

Маргинальный статус поляков в составе Российской империи, вытекающий из их конфессиональной принадлежности, подчеркивается повторяющимися связями поляков со староверами в *Записках из мертвого дома*. В описании замысла романа *Атеист* Достоевский сближает поляков с изуверами, пустынножителями, иезуитами и хлыстовцами: то есть и с сектантами, и с братскими орденами – религиозными группами, стоящими в оппозиции с официальной православной церковью:

Он шныряет по разным поколениям, по атеистам, по славянам и европейцами, между русскими изуверам и пустынножителям, по священникам, сильно, между прочим, попадает на крючок иезуиту, пропагатору, поляку; спускается от него в глубины хлыстовщины [Достоевский 1974а: 500].

Отметим, однако, что ни разу поляки не вступают в отношения сближения или же противопоставления с мусульманскими народами Российской империи.

Достоевский не единожды упоминает поляков в контексте размышлений о периферии, окраинах Российской империи. Описывая в *Дневнике писателя* за 1877 год один из уездных городов, он характеризует его национальный состав так: «Этот город М. – это большой губернский город в западном крае, и в этом городе множество евреев, есть немцы, русские, конечно, поляки, литовцы» [Достоевский 1983: 90]. Поляки оказываются на отдалении от центра, поставлены в один ряд с германо-балтийскими народами, евреями, вынужденными жить на окраине, и русскими.

Но Польша в случае отнесения ее к периферии не причисляется Достоевским к той окраине Российской империи, к которой зачастую он относит Кавказ, «киргизские степи» и т.д. В одном из черновиков за 1880–1881 год Достоевский пишет: «...А потому как же я не заключу обратно, что Европа и европейцы не могут не быть великодушны и не иметь возвышенных чувств, потому что они образованы. / Ну а Польша тогда? А окраины?» [Достоевский 1984: 73]. Размышляя о целесообразности или же убыточности обустройства железных дорог на окраинных территориях Российской империи, в том числе в Средней Азии, Достоевский замечает: «Ну а что лишний миллиард? Заем

и шабаш! / А окраины, окраины? А Польша...» [Достоевский 1984: 77]. Дважды Достоевский обособляет Польшу от остальных окраин, выделяет её среди других регионов, вошедших в состав Российской империи в относительно недавнем прошлом.

Любопытен в этом отношении один из набросков к эпизоду романа *Под-росток*, где описывается разговор Ламбера и *dadais* с двумя неожиданно оказавшимися рядом поляками: «Чудный край через Алтай / Бро-осил Ло-окоть на Китай. / Тра-та-та, тра-та-та, / Вышла кошка за кота [...] Он циник. / Знает, что такое *Butte aux Cailles*» [Достоевский 1976б: 421]. Достоевский в свойственной ему манере переделывает реально существовавшую песню, меняя топонимы и, таким образом, сознательно выстраивая ряд «поляки» – «Алтай» – «Китай» – «*Butte aux Cailles*». Алтай и Китай упоминаются как безусловные экзотизмы, регионы, граничащие с Россией, однако априори чуждые ей. Оказавшийся в этом ряду *Butte aux Cailles* – это всего лишь один из округов Парижа, характеризующийся своеобразной провинциальностью, в общем контексте не менее показателен и отсылает к очень важному «соседу» поляков в сознании Достоевского: к французам.

На протяжении всего XIX века отношения Польши, Франции и России были наполнены «драматическими коллизиями и важнейшими событиями, результаты которых имели огромное значение для перспектив развития этих стран» [Мобек 2005: 51]. Отечественный историк В.В. Пичутина-Мобек отмечает, что:

в общественном сознании польского народа Россия и Франция были не только конкретными государственными образованиями; они существовали и как символы, являясь в представлении поляков своего рода бинарной оппозицией. Франция олицетворяла надежду и свободу, прогресс и цивилизацию, Россия – насилие, порабощение и варварство [Мобек 2005: 51].

На геополитической карте в картине мира Достоевского самыми близкими соседями поляков оказываются именно французы. В романе *Игрок* герой встречает поляков и во Франции («Я в Париже сначала поругался с одним поляком, – ответил я, – а потом с одним французским офицером, который поляка поддерживал», «В Париже и на Рейне, даже в Швейцарии за табльдотами так много полячишек и им сочувствующих французику, что нет возможности вымолвить слова, если вы только русский» [Достоевский 1973а: 210]), поляки постоянно сопровождают французов в самом Рулетенбурге [Достоевский 1973а: 212, 247]. В эпилоге романа *Идиот* из Парижа приходят известия о свадьбе Аглаи с польским эмигрантом, о визите поляков к императрице Жозефине, жене Наполеона, рассказывает генерал Иволгин [Достоевский 1973в: 415].

В публицистике Достоевского французы и поляки оказываются также неразрывно связаны. В подготовительных материалах к августовскому номеру *Дневника писателя* Достоевский рассуждает о женщинах разных национальностей, сравнивая их. В одном ряду оказываются француженки и «полячки»: «Но вдруг проскочило, что англичанки лучше. Не правда. Полячки,

француженки. Закон природы, что своя русская должна нравиться больше. Типы. Русские женщины лучше всех» [Достоевский 1982: 235]. Даже размышляя о подложном завещании Петра Первого – фальсифицированном документе, опубликованном в декабре 1812 года Шарлем-Луи Лезюром в книге *О возрастании русского могущества с самого его начала и до XIX столетия*, – Достоевский говорит как о написанном поляками: «В Европе верят какому-то “Завещанию Петра Великого”. Это больше ничего как подложная бумага, написанная поляками» [Достоевский 1981б: 48].

Причины подобной близости Польши и Франции также многоаспектны и многосложны. После событий 1830-го года многие поляки эмигрировали в Париж и стали костяком так называемой «Старой Польши», о которой также пишет Достоевский, известно определение Варшавы как польского Парижа. Подобная ориентация поляков на Францию для Достоевского идет в прямой связи с ориентацией Польши на Европу, на западноевропейские ценности «цивилизации». Именно эту связь подчеркивает Достоевский, отвечая на выпад «Московских ведомостей» на публикацию статьи *Роковой вопрос* в журнале «Время» в 1863 году:

Вы не признаете национального развития, вы не признаете самостоятельности народных начал в русском племени и, во имя вашего англоязычного патриотизма, обижаетесь, что поляки нас образованнее, в европейском смысле, другими словами, что русские упорно хотят остаться русскими и не обратились по приказу в немцев или французов. Да ведь это-то и хорошо; но ведь поляков-то и сгубила их цивилизация. Несмотря на всю их гордость этой цивилизацией, до того сгубила, что им теперь уже нет воскресения, хотя бы они и сделались политически независимыми [Достоевский 1980а: 99].

Триада «цивилизация–французы–поляки» является для Достоевского определяющей, он полагает, что для поляков в плане их причастности к европейской цивилизации соседство с французами оказывается более значимым, чем с немцами или англичанами.

На геополитической карте в картине мира Достоевского Польша относится Европе, но из всех европейских народов и стран её соседями являются только французы, англичане, немцы. Периферийное значение для Достоевского имеет связь поляков с итальянцами (как с народом, но не как с землями, на которых находится Ватикан), чехами. Положение Польши в картине мира Достоевского – на границе славянского и европейского миров, и события Освободительного восстания 1863–1864 гг. воспринимаются им не как борьба Польши за независимость, а как столкновение двух идей: европейской и славянской. В записной книжке за 1863–1863 гг. он пишет: «Польская война есть война двух христианств – это начало будущей войны православия с католичеством, другими словами – славянского гения с европейской цивилизацией» [Достоевский 1980а: 170].

Для Достоевского примкнуть к Европе – означает, в том числе, стать космополитом, утратить национальную, славянскую идентичность. Так в пись-

ме А.Н. Майкову от 16 августа 1867 года Достоевский описывает встречу в вагоне поезда с «онемечившимся» соотечественником, который объясняет причины своей эмиграции бегством от российского варварства к европейской цивилизации, одной из характерных черт которой является невозможность отличить «француза от англичанина и от немца». Высшее достижение цивилизации, по мнению попутчика Достоевского, – «сравнять всё, и мы тогда только будем счастливы, когда забудем, что мы русские, и всякий будет походить на всех. Не Каткова же слушать» [Достоевский 1985: 207]. Имя издателя «Московских ведомостей» М.Н. Каткова появляется в связи с недавней публикацией статьи о польском вопросе. Польша, став частью Европы, по сути дела станет частью общеевропейского союза. Правда, о том, что будет его духовной или геополитической основой, речь не заходит. Едва ли это может быть аристократическое начало, которое, по мнению Достоевского, сближает Польшу с Англией («Вот уж где немыслимо аристократическое начало, так это у нас! У нас никогда не могло быть ничего подобного, как было когда-то в Польше, или даже как теперь в Англии» [Достоевский 1983: 305]) или же возможность кооперации, к которой, по мнению писателя, склонны немцы.

Основание же для единения Польши с Россией воспринимается Достоевским как самоочевидное – единое славянское происхождение. Поляки неоднократно упоминаются Достоевским в связи с другими славянскими народами: восточными, западными, южными. Достоевский пишет о близости малороссийского и польского характера, отмечая их сентиментальность [Достоевский 1980б: 266] и сетуя на пагубное влияние польского «спесивого» характера на малоросса [Достоевский 1982: 305]. Для Достоевского важно, что поляки стоят особняком в большой славянской «семье», где во главе стоит старший брат, православный великоросс.

Вопрос конфессиональной принадлежности польского этноса является ещё одним проблемным для Достоевского. В системе его представлений католичество – ложный путь христианской веры. Особая глубокая религиозность, мессианство и прозелитизм поляков заставляет Достоевского выделять их среди других славянских народов, исповедующих католичество. На основе единой католической веры поляки упоминаются в связи с чехами в записной тетради за 1876–1877 гг., однако, например, католичество чехов не в такой мере проблематизируется и осмысливается Достоевским:

Мы представим изумительное зрелище народа без захватов. Мы не станем поляка обращать в русского, но когда поляк или чех захотят быть действительно нашими братьями, мы дадим автономию, ибо и при автономии не разрушится связь наша, и они будут тянуться к нам, как к другу, к старшему брату, к великому центру [Достоевский 1982: 194].

Вероятно, причина подобного отношения связана со светским характером чешской религиозности. Сопоставление Достоевским поляков с чехами основывается скорее на их принадлежности к славянам, заселяющим европей-

ские территории. Об том свидетельствует и связка «поляк» – «чех» – «серб», появляющаяся в набросках к *Дневнику писателя* за 1877 год: «Всякое отвоение (хотя бы и кормом) славян от нас будет им же во вред. [...] Славяне-европейцы суть поляки, суть чехи, суть сербы, высшей интеллигенции» [Достоевский 1983: 228]. Два славянских народа – чехи и сербы – не находятся в непосредственной близости от Российской империи, не входят в её состав, но факт того, что они попадают в один ряд с поляками опять-таки свидетельствует о пограничном, переходном положении поляков между восточными и западными славянами.

Таким образом, Польша на геополитической карте в картине мира Достоевского является регионом, безусловно входящим в состав Российской империи. Польские территории осознаются писателем как окраинные, однако не характеризуются как неосвоенные колонии, зоны доколониальной «дикости». Одновременно с проблематизацией границ польского края Достоевский описывает поляков как этнос, не имеющий собственных земель, народ без отчего края. Это подчеркивается сближением поляков с такими народами, как евреи, цыгане. Для Достоевского Польша имеет дуалистическую позицию в системе «Россия – Европа»: одновременно Польша является и частью России, но ориентированной на европейские страны и народы: французов, англичан, немцев. При этом для писателя первостепенное значение имеет принадлежность поляков к славянским народам, близость к малороссам, чехам, сербам, русским. Полному же единению с ними мешает конфессиональная принадлежность поляков, которую Достоевский проблематизирует, рассматривая отношения поляков с Италией, со старообядами и русскими сектантами. Для писателя положение польского края на положении «своего иного» [Лекке, Чхеидзе 2018: 14] – с собственными этно-культурными особенностями, отличными от наиболее распространенных в метрополии – является недостаточным. Достоевский остро переживает «инаковость» Польши, для него идеал – полная утрата Польшей «инаковости» и её растворение в «своём», но «своем» как всеобщем всеславянстве и всечеловечестве. Таким образом, над геополитическими представлениями Достоевского надстраивается историсофский план.

Библиография

- Stempowski J., 1981, *Polacy w powieściach Dostojewskiego*, [w:] *Eseje dla Kasandry*, Kraków.
- Wilkońska-Karpierz M., 2009, *Porównanie relacji pamiętnikarskich z zesłania na Syberię Fiodora Dostojewskiego i Szymona Tokarzewskiego*, “Przestrzenie Teorii”, nr 11.
- Горбачевский Ч.А., Гончарова В.Н., 2005, *Отражение польского вопроса Ф.М. Достоевский, Вл.С. Соловьевым, Н.А. Бердяевым*, [в:] *Россия – Польша: филологический и историко-культурный дискурс*, Магнитогорск.

- Достоевский Ф.М., 1972а, *Униженные и оскорбленные*, [в:] Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений: в 30 томах*, т. 3: *Село Степанчиково и его обитатели; Униженные и оскорбленные*, Ленинград.
- Достоевский Ф.М., 1972б, *Записки из мертвого дома*, [в:] Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений: в 30 томах*, т. 4: *Записки из мертвого дома*, Ленинград.
- Достоевский Ф.М., 1973а, *Игрок*, [в:] Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений: в 30 томах*, т. 5: *Повести и рассказы. 1862–1866; Игрок*, Ленинград.
- Достоевский Ф.М., 1973б, *Преступление и наказание*, [в:] Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений: в 30 томах*, т. 6: *Преступление и наказание*, Ленинград.
- Достоевский Ф.М., 1973в, *Идиот*, [в:] Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений: в 30 томах*, т. 8: *Идиот*, Ленинград.
- Достоевский Ф.М., 1974а, *Рукописные редакции*, [в:] Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений: в 30 томах*, т. 9: *Идиот; Вечный муж; наброски 1867–1870. Рукописные редакции*, Ленинград.
- Достоевский Ф.М., 1974б, *Бесы*, [в:] Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений: в 30 томах*, т. 10: *Бесы*, Ленинград.
- Достоевский Ф.М., 1975, *Братья Карамазовы*, [в:] Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений: в 30 томах*, т. 14: *Братья Карамазовы, книги 1–10*, Ленинград.
- Достоевский Ф.М., 1976а, *Рукописные редакции*, [в:] Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений: в 30 томах*, т. 15: *Братья Карамазовы, книги 11–12, Эпизод, Рукописные редакции*, Ленинград.
- Достоевский Ф.М., 1976б, *Рукописные редакции*, [в:] Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений: в 30 томах*, т. 16: *Подросток, Рукописные редакции*, Ленинград.
- Достоевский Ф.М., 1980а, *Записи публицистического и литературно-критического характера из записных книжек и тетрадей 1860–1865 гг.*, [в:] Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений: в 30 томах*, т. 20: *Статьи и заметки, 1862–1865*, Ленинград.
- Достоевский Ф.М., 1980б, *Записи литературно-критического и публицистического характера из записных тетрадей 1872–1875 гг.*, [в:] Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений: в 30 томах*, т. 21: *Дневник писателя, 1873; Статьи и заметки, 1873–1878*, Ленинград.
- Достоевский Ф.М., 1981а, *Дневник писателя*, [в:] Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений: в 30 томах*, т. 22: *Дневник писателя за 1876 год. Январь–апрель*, Ленинград.
- Достоевский Ф.М., 1981б, *Дневник писателя*, [в:] Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений: в 30 томах*, т. 23: *Дневник писателя за 1876 год. Май–октябрь*, Ленинград.
- Достоевский Ф.М., 1982, *Рукописные материалы*, [в:] Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений: в 30 томах*, т. 24: *Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь–декабрь, Рукописные материалы*, Ленинград.
- Достоевский Ф.М., 1983, *Дневник писателя*, [в:] Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений: в 30 томах*, т. 25: *Дневник писателя за 1877 год. Январь–август*, Ленинград.
- Достоевский Ф.М., 1984, *Записи литературно-критического и публицистического характера из записной тетради 1880–1881 гг.*, [в:] Ф.М. Достоевский, *Полное*

собрание сочинений: в 30 томах, т. 27: *Дневник писателя, 1881. Автобиографическое. Dibia*, Ленинград.

- Достоевский Ф.М., 1985, *Письма*, [в:] Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений: в 30 томах*, т. 28 (II): *Письма, 1860–1868*, Ленинград.
- Лекке М., Чхеидзе Е., 2018, *Россия – Грузия после империи*, [в:] *Россия–Грузия после империи: Сборник статей*, Москва.
- Мальцев Л., 2017, *Достоевский о поляках – поляки о Достоевском: метастереотипность как имагологическая проблема*, „*Studia Rossica Posnaniensia*”, nr XLII.
- Мобек В.В., 2005, *Польское общество между Россией и Францией в условиях войны и мира (1860–1880)*, [в:] *Россия – Польша: филологический и историко-культурный дискурс*, Магнитогорск.
- Углик Я., 2011, *Образ поляков в романах и публицистике Ф.М. Достоевского*, “*Toronto Slavic Quaterly*”, No. 37.
- Хорев В.А. 2005, *Польша и поляки глазами русских литераторов: Имагологические очерки*, Москва.

Transliteration

- Gorbačevskij Č.A., Gončarova V.N., 2005, *Otraženie pol'skogo voprosa F.M. Dostoevskij, V.I.S. Solov'evym, N.A. Berdâevym*, [v:] *Rossia – Pol'sha: filologičeskij i istoriko-kul'turnyj diskurs*, Magnitogorsk.
- Dostoevskij F.M., 1972a, *Unižennye i oskorblennye*, [v:] F.M. Dostoevskij, *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*, t. 3: *Selo Stepančikovo i ego obitateli; Unižennye i oskorblennye*, Leningrad.
- Dostoevskij F.M., 1972b, *Zapiski iz mertvogo doma*, [v:] F.M. Dostoevskij, *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*, t. 4: *Zapiski iz mertvogo doma*, Leningrad.
- Dostoevskij F.M., 1973a, *Igrok*, [v:] F.M. Dostoevskij, *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*, t. 5: *Povesti i rasskazy. 1862–1866; Igrok*, Leningrad.
- Dostoevskij F.M., 1973b, *Prestuplenie i nakazanie*, [v:] F.M. Dostoevskij, *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*, t. 6: *Prestuplenie i nakazanie*, Leningrad.
- Dostoevskij F.M., 1973v, *Idiot*, [v:] F.M. Dostoevskij, *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*, t. 8: *Idiot*, Leningrad.
- Dostoevskij F.M., 1974a, *Rukopisnye redakcii*, [v:] F.M. Dostoevskij, *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*, t. 9: *Idiot; Večnyj muž; Nabroski 1867–1870. Rukopisnye redakcii*, Leningrad.
- Dostoevskij F.M., 1974b, *Besy*, [v:] F.M. Dostoevskij, *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*, t. 10: *Besy*, Leningrad.
- Dostoevskij F.M., 1975, *Brat'â Karamazovy*, [v:] F.M. Dostoevskij, *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*, t. 14: *Brat'â Karamazovy, knigi 1–10*, Leningrad.
- Dostoevskij F.M., 1976a, *Rukopisnye redakcii*, [v:] F.M. Dostoevskij, *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*, t. 15: *Brat'â Karamazovy, knigi 11–12, Ėpilog, Rukopisnye redakcii*, Leningrad.
- Dostoevskij F.M., 1976b, *Rukopisnye redakcii*, [v:] F.M. Dostoevskij, *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*, t. 16: *Podrostok, Rukopisnye redakcii*, Leningrad.

- Dostoevskij F.M., 1980a, *Zapisi publicističeskogo i literaturno-kritičeskogo haraktera iz zapisnyh knižek i tetradej 1860–1865 gg.*, [v:] F.M. Dostoevskij, *Polnoe sobranie sočinenij*: v 30 tomah, t. 20: *Stat'i i zametki, 1862–1865*, Leningrad.
- Dostoevskij F.M., 1980b, *Zapisi literaturno-kritičeskogo i publicističeskogo haraktera iz zapisnyh tetradej 1872–1875 gg.*, [v:] F.M. Dostoevskij, *Polnoe sobranie sočinenij*: v 30 tomah, t. 21: *Dnevnik pisatelâ, 1873; Stat'i i zametki, 1873–1878*, Leningrad.
- Dostoevskij F.M., 1981a, *Dnevnik pisatelâ*, [v:] F.M. Dostoevskij, *Polnoe sobranie sočinenij*: v 30 tomah, t. 22: *Dnevnik pisatelâ za 1876 god. Âнвар'-aprel'*, Leningrad.
- Dostoevskij F.M., 1981b, *Dnevnik pisatelâ*, [v:] F.M. Dostoevskij, *Polnoe sobranie sočinenij*: v 30 tomah, t. 23: *Dnevnik pisatelâ za 1876 god. Maj-oktâbr'*, Leningrad.
- Dostoevskij F.M., 1982, *Rukopisnye materialy*, [v:] F.M. Dostoevskij, *Polnoe sobranie sočinenij*: v 30 tomah, t. 24: *Dnevnik pisatelâ za 1876 god. Noâbr'-dekabr'*, *Rukopisnye materialy*, Leningrad.
- Dostoevskij F.M., 1983, *Dnevnik pisatelâ*, [v:] F.M. Dostoevskij, *Polnoe sobranie sočinenij*: v 30 tomah, t. 25: *Dnevnik pisatelâ za 1877 god. Âнвар'-avgust*, Leningrad.
- Dostoevskij F.M., 1984, *Zapisi literaturno-kritičeskogo i publicističeskogo haraktera iz zapisnoj tetradi 1880–1881 gg.*, [v:] F.M. Dostoevskij, *Polnoe sobranie sočinenij*: v 30 tomah, t. 27: *Dnevnik pisatelâ, 1881. Avtobiografičeskoe. Dubia*, Leningrad.
- Dostoevskij F.M., 1985, *Pis'ma*, [v:] F.M. Dostoevskij, *Polnoe sobranie sočinenij*: v 30 tomah, t. 28 (II): *Pis'ma, 1860–1868*, Leningrad.
- Lekke M., Čheidze E., 2018, *Rossiâ – Gruzîâ posle imperii*, [v:] *Rossiâ–Gruzîâ posle imperii: Sbornik statej*, Moskva.
- Mal'cev L., 2017, *Dostoevskij o polâkah – polâki o Dostoevskom: metastereotipnost' kak imagologičeskââ problema*, “*Studia Rossica Posnaniensia*”, № XLII.
- Mobek V.V., 2005, *Pol'skoe obšestvo meždû Rossiej i Franciej v usloviâh vojny i mira (1860–1880)*, [v:] *Rossiâ – Pol'sa: filologičeskij i istoriko-kul'turnyj diskurs*, Magnitogorsk.
- Uglik Â., 2011, *Obraz polâkov v romanah i publicistike F.M. Dostoevskogo*, “*Toronto Slavic Quaterly*”, № 37.
- Horev V.A. 2005, *Pol'sa i polâki glazami russkih literatorov: Imagologičeskije očerki*, Moskva.

Summary

The Geopolitics of the Poles and their Neighbors in the Works of Fedor Dostoevsky

The article is devoted to the study of the place of Poland and Poles on the geopolitical map in Dostoevsky's picture of the world. The artistic and journalistic heritage of the writer is analyzed in terms of what other countries and peoples are mentioned in its connection with Poland and Poles. That allows to determine Dostoevsky's geopolitical orientations both in relation to Poland and the Russian Empire. In Dostoevsky's picture of the world Poles like Jews are not anchored and have a marginal position

among other peoples of the Russian Empire. For Dostoevsky Poland is on a borderline between the Slavic world and Europe, which is actualized through the close relationship of the Poles with the French. The connection with the other European nations is optional, with the exception of the Western Slavs: the Czechs and the Serbs.

Key words: Dostoevsky, geopolitics, picture of the world, Poland, A Writer's Diary